

ВИНСЕНТ

«Ваза с двенадцатью подсолнухами». 1888

Арина РОМАНОВА

Рыжий - рыжий, конопатый и святой

Винсент с детства был нелюдимым ребенком. Когда он сидел на крыльце, уставившись в одну точку, носящиеся вокруг сверстники считали его лунатиком, дружно крутили пальцем у виска и называли не иначе как «рыжий дурак».

Винсент так никогда и не вырос. Многими годами позже, приехав в Лондон работать в галерею своего тезки-дядки, Винсент влюбился в дочку хозяйки съемной квартиры — Урсулу. И сделал ей предложение руки и сердца и скромного состояния в пять фунтов ежемесячно.

Вполне в своем духе рыжий чужак за целый-то год так и не распознал, что красоте просто нравилось его дразнить, заманивать и очаровывать. Да и откуда ему было знать. Ведь только в двадцать один год от роду, когда у большинства ровесников уже были семьи, Винсент впервые влюбился и, естественно, воображал, что ему могут ответить не иначе как взаимностью.

А вот Урсулу перспектива выйти замуж за кавалера, не помнящего, когда он в последний раз брился и расчесывал свою непослушную копну огненных волос, совершенно не прельщала. Для скрыпного молчуна, не доверявшего никому в этом мире, кроме собственной матери и впервые потянувшегося к молодому женскому существу, откровенный хохот Урсулы в ответ на предложение стать его женой прозвучал как плевок в душу.

Винсент бросил все и отправился в Амстердам — учиться на священника. Так никуда и не поступив, разругавшись с семьей (отец мечтал видеть Винсента в богатом амстердамском при-

«Желтый дом». 1888

ходе, а уж никак не с прокаженными и нищими, о чем грезил сам молодой мечтатель) Винсент отправляется в бельгийский шахтерский поселок Боринаж.

Ну вправду, не чудак ли? Ну кому понравится такое подвижничество, кроме самих бедолаг? Евангелистская церковь Бельгии без малого через год отзывает «лицензию» господина Ван Гога. Ему только двадцать шесть лет. И каждый год — год разочарования. И больше ничего.

Однажды в каком-то лихорадочном состоянии, которое находило на него все чаще, Винсент стал по памяти рисовать картины, виденные некогда в галерее у дяди. Краски легким эхом кружились в голове. Оттенком чего-то светлого и совершенно не похожего на реальность, волшебного.

Из письма к брату Теодору: «У меня сейчас только одна мысль: для чего я могу быть пригоден? Могу ли я вообще кому-то помочь?!» И в то же время сознание Винсента наполняется неким подобием мессианства: «Когда я сказал себе, что берусь за грифель и начинаю рисовать, с тех пор все для меня переменялось».

Верный брат Тео (преуспевающий торговец произведениями искусства из Парижа) прислал брату рисунки Милле, чтобы тот, копируя, учился азам мастерства художника. Но Винсенту больше импонировала манера, когда он мог отразить в своих рисунках первое впечатление от человека, рабочего, углекопа. Чтобы поделиться радостью творчества, открытия в себе новой энергии. Энергии, вновь пробуждавшей Винсента к жизни, он пешком прошел восемьдесят миль до Брюсселя. Чтобы показать свои рисунки профессиональному художнику.

Винсента не принимали ни родные, потратившие приличное состояние на его обучение «азбуке»

изобразительных средств, ни маститые художники, никто.

Он взял в руки кисти с одним желанием — попытаться установить наконец контакт с окружающим его миром, и опять безрезультатно. Ведь чтобы купила портрет знатная дама, нужно, чтобы портрет был похожим, как фото. А бедный крестьянин, разве он может себе позволить купить картину?

В Гааге, городе, где по улицам витал ветер свободы и независимости от пред-рассудков и условностей, Винсент вновь поверил в свои силы, в то, что ему надо выработать, найти свою манеру, а не пытаться копировать известных мастеров.

Единственное, о чем так и не научился думать Винсент, так это о собственном благополучии. Даже элементарный

комфорт, удобство — всего этого для Винсента просто не существовало. Крепкий забористый табак заменял ему и обед, и ужин. А когда становилось совсем невмоготу — стаканчик изумрудного абсента в ближайшем кабаке, и можно было вновь работать ночи напролет, до полного изнеможения. Пока рука не каменела, начинала нервно трястись, отказывала подчиняться... а потом вновь находил в себе силы выйти из дома и отправиться в гаагские трущобы, чтобы рисовать прачек и землекопов, моряков в трактирах и кабаках.

Такой образ жизни стал его второй натурой, от которой уже невозможно было отказаться. В гаагских трущобах никто не обращал внимания на его лохмоты и непотребный вид. Там любой мог за разговором «за жизнь» угостить нищего художника стаканчиком.

А Винсент все время молился, чтобы деньги от брата Тео пришли вовремя. В конце концов, от эмоционального и физического перенапряжения у Ван Гога расстраивается желудок, он начинает мучительно кашлять и пишет брату, что буквально истощен.

А в это время, пока Винсент отвоевывал право на то, чтобы видеть мир своими глазами, а не заучивать чьи-то штампы, в Париже родилось и окрепло целое поколение таких же, как он, индивидуалистов и выскочек. Моне, Писсаро, Сезанн, Дега, Гоген, Сера, Тулуз-Лотрек, Синьяк. Туда, в Париж, порывая с прошлым и поближе к благоразумному брату, разменяв четвертый десяток, перебирается и Ван Гог. Для Винсента оглушительная выразительность Парижа, его импрессия стали настоящим открытием. Открытием воздуха, света, атмосферы. И что самое диковин-

«Автопортрет в серой шляпе». 1886—1887

ное — и эти входящие в моду художники знали, благодаря стараниям Тео, его имя и жаждали с ним знакомства.

Скоро их шайка стала поистине неразлучна. Не раз в уютных парижских кабаках Гоген, Лотрек, Сера и Ван Гог выпивали за то, чтобы в искусстве наконец возобладала подлинность, жизнь как она есть, без прикрас. Вернее, такая, какой ее видит сам художник.

Особенным пристрастием к наркотическому абсенту отличался Поль Гоген. Массивная машина, заросшая черными волосами, и бескорытный любитель столь же массивных форм мадемуазелей. От длительных искусствоведческих бесед с вновь обретенными друзьями за бутылочкой-другой абсента у Ван Гога развивалась бессонница. Ночи напролет при свечах он изводил тюбик за тюбиком краски. Картины наполнялись воздухом, тяжеловесность как будто отступала, но вместе с ней уходила и его индивидуальная манера письма. Картины превращались в банальную копию.

Как Винсент Ван Гог писал подсолнухи и какова «творческая» сила абсента

Подсолнух - Винсент

Из письма к Тео: «Когда я расставался с тобой на Южном вокзале, я был разбит и почти болен и сделался чуть ли не пьяницей...» «Когда я уезжал из Парижа, я был в двух шагах от того, чтобы получить аполексический удар. Меня тогда так дико прихватило, что я даже бросил пить и так много курить и начал задумываться, вместо того чтобы выкинуть из головы все мысли. Это не приведи Бог, какое я чувствовал отчаяние и какую усталость».

В Арле на юге Франции Винсент начинает лихорадочно работать. Один день — одна картина. Он с маниакальной быстротой, уверенностью, твердостью наносит на холст один мазок за другим. А потом доходит и просто до невообразимой скорости — по три картины в сутки.

«Это возбуждение, эта серьезность чувства природы, которое ведет нас, это возбуждение иногда чересчур сильно. Даже не чувствуешь, что работаешь. А между тем мазки ложатся удар за ударом и следуют друг за другом, как слова в разговоре».

Нервы Винсента обнажены (сказывается хроническое недосыдание) и под влиянием стимулятора-абсента направлены только на одно — воспринимать действительность и транслировать ее на полотно.

«Я принимаю в расчет только возбуждение, возникающее в какой-то момент. Тогда я отпускаю себя и дохожу до экстаза. Разум на грани взрыва, как у актера, играющего сложную роль».

Каждое утро Винсент вставал до рассвета, одевался и шел пешком за несколько километров, пока что-то не подсказывало ему: «стоп, твое место — здесь!» И каждый вечер он возвращался с готовым полотном. Готовым, потому что Винсенту уже нечего было к нему прибавить. Он писал одно полотно за другим, без передышки, даже не сознавая, что делает. Для поддержания сил — выпивал чашку кофе, стаканчик абсента — и снова писал как одержимый. К вечеру у бродяги-художника все тело ныло, как от жестоких побоев.

«Мои кости изношены. Мой мозг совсем спятил и уже не годится для жизни, так что мне впроку бежать в дурдом. Я чувствую, что могу исчерпать себя и время творчества минует. И что вот так, вместе с жизнью, уходят и силы... Довольно часто, вернувшись с натуры, я просто сижу и тупо смотрю в одну точку... Я не болен, но, без всяких сомнений, заболел, если не буду лучше есть и не прекращу на несколько дней писать. Но как бы там ни было, моим нервам я доверять не должен».

Иногда в поле, на солнцепеке, с Винсентом случались жесточайшие припадки. Он пишет картины практически в беспамятстве, а после гордо заявляет: «Чем больше я расклеиваюсь, чем больше становлюсь больным и изношенным, тем больше я становлюсь художником».

Однако Винсент очень боялся потерять рассудок. И чтобы хоть кто-то за ним присматривал, пригласил пожить в свой арльский домик Гогена. Может быть, кто-то другой и мог бы присматривать за Ван Гогом, но только не Гоген. Ему самому нужна была хорошая нянька. А два таланта, пусть даже и на пятьдесят квадратных метров, — это уже слишком.

«Наши разговоры исключительно насыщены электрическими флюидами, подчас мы встали после них с тяжелой головой, как электрические батареи после разряда».

Художественные споры стали заканчиваться бульварной руганью, Винсент перестал писать, практически ничего не ел. Вместе с Полем они опустошили все запасы спиртного в местных ка-

бачках. И Винсент отчаянно старался вылечить переутомление алкоголем и курением.

Гоген позднее вспоминал о времени с Ван Гогом: «В последнее время моего тамошнего пребывания Винсент то был необычайно резок и буен, то снова становился молчалив. Несколько раз я с изумлением наблюдал, как Винсент ночью встает, подходит к моей кровати и стоит надо мной... Достаточно мне было строго сказать ему: «В чем дело?» — как он, не говоря ни слова в ответ, отходил, ложился в постель и погружался в свинцовый сон... Вечером мы шли в кафе. Винсент брал стаканчик легкого абсента. И вдруг швыряет стакан прямо мне в голову». На следующий вечер Гоген встретил Ван Гога на улице, и тот бросился к нему с раскрытой бритвой в руке.

Затмение Однажды Винсент очнулся в больнице с сильными ссадинами на голове и — без половины правого уха. Ни как он туда попал, ни что предшествовало этому, вспомнить он был не в состоянии. А Гоген исчез. Купил билет в Париж — и укатил.

Винсента мучила бессонница, а когда нечеловеческая усталость все-таки смыкала его веки, он тут же вскакивал от кошмара. Чтобы избавиться Винсента от невыносимых галлюцинаций, пугавших его, доктор давал ему бромистый калий.

Винсент вынужден был признаться врачам, что он уже давно слышал голоса, пугающие и пронзительные. И чтобы заставить их замолчать, он и отрезал себе ухо. Тогда временная передышка от работы пошла Ван Гог на пользу. Воздерживаясь от абсента, регулярно кушая под строгим присмотром врачей, он на время избавился от кошмаров.

Но сам Винсент хорошо, как никто другой, знал: чтобы уловить ту предельно высокую ноту желтого, которая преобладала в его арлезианских картинах, ему вновь надо было скользнуть над пропастью, быть в непрерывном возбуждении, мучительно напрягать все свои чувства, обнажать каж-

дый нерв. Тогда, в этой белой (а точнее — желтой) горячке приходило невообразимо яркое видение и восприятие цветов. Даже ночью — отчетливое, как под самым пальцем солнца.

«Что до того, чтобы достичь такой пронзительно желтой ноты, которая мне удалась этим летом, все в моей жизни должно было быть доведено до крайности».

У Ван Гога развивалась мания преследования, а жители города требовали у мэра посадить сумасшедшего под замок. Так Винсент оказался в психиатрической больнице Сен-Реми — последнее его пристанище перед смертью. Последнее место, где он смог напрячь остаток своих жизненных сил и отдать их картинам.

«Чувство долга по отношению к работе снова проявляется у меня, и я верю, что все мои способности вернуться ко мне».

На какое-то время Винсент действительно собирает в один волевой пучок все свои силы и снова пишет картины, пытается тем самым побороть все сильнее захлестывающее его безумие.

«Я беспрерывно работаю у себя в комнате. Это хорошо на меня влияет и прогоняет мои приступы».

В последние годы жизни в моменты кризисов Ван Гог всякий раз погружался в состояние спутанности сознания и галлюцинаторного бреда. И только в коротких передышках, которые ему еще давала болезнь, вновь пытался осмыслить свою жизнь и ускорять работу, боясь нового припадка.

С мая 1890 года Винсент находится под дружеским присмотром доктора Гаше в Оверсе-сюр-Уаз, недалеко от Парижа. 27 июля вечером Ван Гог стреляет в себя. Еще несколько часов, находясь в сознании, он разговаривает с доктором Гаше, курая при этом трубку. 29 июля он умирает. О мотивах своего самоубийства он не сказал ничего, на вопрос доктора Гаше: «Зачем?» только пожал плечами.

Винсент вынужден был признаться врачам, что он уже давно слышал голоса, пугающие и пронзительные. И чтобы заставить их замолчать, он и отрезал себе ухо.